

DOI: [10.14515/monitoring.2020.6.1778](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778)

**А. С. Архипова, Д. А. Радченко, И. В. Козлова,
Б. С. Пейгин, М. В. Гаврилова, Н. В. Петров**

**ПУТИ РОССИЙСКОЙ ИНФОДЕМИИ:
ОТ WHATSAPP ДО СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА**

Правильная ссылка на статью:

Архипова А. С., Радченко Д. А., Козлова И. В., Пейгин Б. С., Гаврилова М. В., Петров Н. В. Пути российской инфодемии: от WhatsApp до Следственного комитета // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 231—265. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778>.

For citation:

Arkhipova A. S., Radchenko D. A., Kozlova I. V., Peigin B. S., Gavrilova M. V., Petrov N. V. (2020) Specifics of Infodemic in Russia: From WhatsApp to the Investigative Committee. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 231–265. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778>. (In Russ.)

ПУТИ РОССИЙСКОЙ ИНФОДЕМИИ: ОТ WHATSAPP ДО СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА

АРХИПОВА Александра Сергеевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ ИОН, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; приглашенный профессор, Российская экономическая школа; доцент Центра типологии и семиотики фольклора, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
E-MAIL: alexandra.arkhipova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8853-0003>

РАДЧЕНКО Дарья Александровна — кандидат культурологии, старший научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ ИОН, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; директор Центра исследований фольклора и антропологии города, Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Россия
E-MAIL: darya_radchenko@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9298-7783>

КОЗЛОВА Ирина Владимировна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ ИОН, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия
E-MAIL: matira@dobre.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5466-1339>

SPECIFICS OF INFODEMIC IN RUSSIA: FROM WHATSAPP TO THE INVESTIGATIVE COMMITTEE

Alexandra S. ARKHIPOVA^{1,2,3} — *Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher at the Laboratory for Theoretical Folklore Studies, School for Advanced Studies in Humanities; Visiting Professor; Associate Professor at Centre for Typological and Semiotic Folklore Studies*
E-MAIL: alexandra.arkhipova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8853-0003>

Daria A. RADCHENKO^{1,4} — *Cand. Sci. (Cultural Studies), Senior Researcher at the Laboratory for Theoretical Folklore Studies; Director of the Centre for Urban Folklore and Anthropology Studies*
E-MAIL: darya_radchenko@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9298-7783>

*Irina V. KOZLOVA*¹ — *Cand. Sci. (Philology), Researcher at the Laboratory for Theoretical Folklore Studies, School for Advanced Studies in Humanities*
E-MAIL: matira@dobre.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5466-1339>

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

² New Economic School, Moscow, Russia

³ Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

⁴ Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russia

ПЕЙГИН Борис Сергеевич — приглашенный исследователь Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ ИОН, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия
E-MAIL: bspeigin@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-1493-6283>

ГАВРИЛОВА Мария Владимировна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ ИОН, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; научный сотрудник Центра исследований фольклора и антропологии города, Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Россия
E-MAIL: Mariavl.gavrilova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-0846-3408>

ПЕТРОВ Никита Викторович — кандидат филологических наук, заведующий Лабораторией теоретической фольклористики ШАГИ ИОН, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; старший научный сотрудник Центра исследований фольклора и антропологии города, Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Россия; доцент Центра типологии и семиотики фольклора, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
E-MAIL: nik.vik.petrov@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-2467-9535>

Аннотация. С января 2020 г. авторы статьи в составе научной группы «Мониторинг актуального фольклора» изучали в России особенности инфодемии — волны слухов, псевдомедицинских

Boris S. PEIGIN¹ — Invited Researcher at the Laboratory for Theoretical Folklore Studies
E-MAIL: bspeigin@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-1493-6283>

Maria V. GAVRILOVA^{1,4} — Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher at the Laboratory for Theoretical Folklore Studies; Senior Researcher at the Centre for Urban Folklore and Anthropology Studies
E-MAIL: Mariavl.gavrilova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-0846-3408>

Nikita V. PETROV^{1,4,3} — Cand. Sci. (Philology), Head of the Laboratory for Theoretical Folklore Studies, School for Advanced Studies in Humanities; Senior Researcher at the Centre for Urban Folklore and Anthropology Studies; Associate Professor at the Center of Typological and Semiotics Folklore Studies
E-MAIL: nik.vik.petrov@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-2467-9535>

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

³ Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

⁴ Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russia

Abstract. Since January 2020, the Contemporary Folklore Monitoring research team has been studying the specifics of the infodemic in Russia (infodemic refers to widely circulated rumors, pseudosci-

советов, конспирологии и отрицания опасности, связанных с эпидемией COVID-19. Цель исследования заключалась в характеристике структуры и путей распространения инфодемии, а для ее реализации были составлены две базы данных: (1) отобранные с помощью сервиса «Медialogия» тексты из российских социальных сетей (167 сюжетов) и (2) случаи уголовного и административного преследования граждан за распространение «недостоверной информации» (слухов) о самом коронавирусе и мерах борьбы с ним (203 случая).

На основе количественного и качественного анализа полученного материала авторы, во-первых, описали, как «устроена» инфодемия, какие сюжеты наиболее популярны и почему; во-вторых, проанализировали, что влияет на появление «волн» инфодемии; в-третьих, установили, какие тексты из циркулирующих по неформальным каналам коммуникации опасны в медицинском смысле, а какие — признаны «опасными» в судах.

Ключевые слова: пандемия, коронавирус, COVID-19, слухи, инфодемия, fake news, цифровая антропология

Благодарность. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Исследовательская группа выражает сердечную благодарность Марии Шклярчук и Михаилу Бенюхису, без помощи которых работа над статьей не была бы возможной, нашим коллегам Аглае Старостиной, Анне Кирзюк, Сергею Белянину, Иосифу Зислину за помощь

entific remedies, conspiracy theories and denialism related to the COVID-19 epidemic). The study aims to describe what the infodemic involves and how it spreads. The authors draw two databases: (1) texts from the Russian social media collected using the Medialogia tool (167 narratives), and (2) cases of criminal and administrative trials against citizens for disseminating 'inaccurate information' (rumors) about the coronavirus and ways to fight that (203 cases).

Based on the quantitative and qualitative data analysis, the authors describe how the infodemic is 'arranged', what topics are popular, and why they are popular; they analyze what triggers the infodemic 'waves'; and what types of narrative circulated through informal channels of communication may pose danger to public health or can be considered dangerous by the court.

Keywords: pandemic, coronavirus, COVID-19, rumors, infodemic, fake news, digital anthropology

Acknowledgments. The study is part of the RANEPА state assignment research program.

Our research group expresses its heartfelt gratitude to Maria Shklyaruk and Mikhail Benyukhis, without whose help the work on the paper would not have been possible, to our colleagues Dr Ian Brodie, Dr Aglaya Starostina, Dr Anna Kirzyuk, Dr Iosif Zislin and Sergey Belyanin, for their help in the work on the arti-

в работе над статьей, проекту «ОВД-Инфо» и правозащитной группе «Агора» за предоставление результатов своих мониторингов, Илье Ферапонтову, редактору N+1, за предоставление площадки для оперативных публикаций, а также всем нашим корреспондентам, которые, не жалея усилий и времени, находили и присылали нам все новые и новые примеры слухов и фейков.

cle, the human-right watch organizations OVD-Info and Agora “for providing results of their monitoring, Ilya Ferapontov, editor of N+1, for providing a platform for operational publications, as well as all our correspondents who, sparing no effort and time, found and sent us more and more examples of rumors and fakes.

Начиная с января 2020 г. исследовательская группа «Мониторинг актуального фольклора»¹ зафиксировала в российских социальных сетях почти два миллиона (точнее, 1 951 143) репостов слухов, псевдомедицинских советов, конспирологических трактовок новостей и панических предупреждений о так и не случившихся событиях. Все они были посвящены новому вирусу COVID-19 и борьбе с ним². В этих сообщениях рассказывается о том, что на самом деле из себя представляет новый вирус («это биооружие Китая»), или, наоборот, о том, что никакой опасности в нем нет («это обычный грипп»), о том, как надо спастись от инфекции (пить водку, прикладывать имбирь), и, наконец, о том, что нас всех ждет в случае введения карантина и будущей вакцинации («все мы будем чипированы»).

В каждой стране, где жители узнавали про новую болезнь, информационную среду заполняли похожие тексты. Уже в феврале 2020 г. представители Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) назвали наплыв недостоверной и избыточной информации о вирусе «инфодемией»³ (по аналогии с «эпидемией») и призвали всех бороться с ней [Мюнхенская конференция, 2020]. Благодаря общественному вниманию к этой теме буквально за несколько месяцев появилось значительное количество исследований, посвященных коронавиральной инфодемии. Тем не менее ответов на многие вопросы нет до сих пор, особенно применительно к *российской* инфодемии: Как «устроена» инфодемия «изнутри», в естественных условиях? Когда и почему возникают волны слухов? Какие типы текстов более популярны и почему? Что становится триггером для их появления? Опасны ли они, и если да, то какие и в каких обстоятельствах?

Что такое «нарративы инфодемии»?

Авторы, исследующие инфодемии, зачастую избегают точного определения того, что это такое. Обычно они называют данный тип сообщений «недостоверной информацией», «контринформацией» (counter-information), «дезинформацией»

¹ «Мониторинг актуального фольклора» — исследовательская группа при Лаборатории теоретической фольклористики, ШАГИ, РАНХиГС. Занимается изучением вернакулярной («повседневной») реакции людей на социальные и политические события. В группу входят антропологи, социологи, фольклористы и юристы.

² В Китае в декабре 2019 г. началась страшная эпидемия нового коронавируса, в течение 2020 г. охватившая практически все страны мира.

³ Стоит оговорить, что первое значение слова infodemic/infodemia (англ.) — это именно «переизбыток информации», однако очень быстро этот термин стал означать недостоверную информацию о болезни и ее последствиях.

(misinformation), либо просто «слухами»⁴. Если тексты имеют форму новостного сообщения, то их называют «фейковые новости» (fake news). В основе всех этих «зонтичных» терминов лежит интуитивная идея, что объект изучения — ложная информация, противоречащая официально подтвержденным или научным данным.

Французский антрополог Паскаль Буайе использует гораздо более удачную, на наш взгляд, формулировку: подобные тексты и представления он называет «эпистемической неудачей» и определяет их как «ложные сообщения с точки зрения [эволюционной] приспособленности [людей]» [Буайе, 2019: 89]. Другими словами, они не сообщают «полезной» информации (то есть той, которая поможет выжить, а не умереть): чеснок, сода и имбирь не спасут от заражения, а уверенность в том, что вирус распространяется через посылки с AliExpress, даст «носителю слуха» ложное ощущение, что он в безопасности, если не будет заказывать доставку товаров из Китая.

В то же время мы не имеем возможности судить о текстах по критерию истинности/ложности, если «мегасобытие» (каковым является пандемия коронавируса) все еще длится, и в этом заключается сложность работы с таким материалом. Для нас объектами изучения становятся *любые повторяющиеся тексты, распространяемые через неформальные каналы коммуникации, где «коллективный автор» и индивидуальный распространитель допускают, что информация, изложенная в этих текстах, подлинная и нуждается в распространении*. Мы будем называть всю совокупность таких текстов «инфодемическими нарративами». Они могут быть как короткими, так и длинными; выглядеть как слабоструктурированный пересказ того, что «тетя услышала от соседки», или мимикрировать под наукообразные тексты, но главное — такие нарративы создают «сети сомнения» и тем самым часто противопоставлены официальной информации и научной картине мира.

Интуитивно нам кажется, что между «распространением текста» и «верой в его содержание» можно поставить знак равенства, но так происходит не всегда. Предположим, наша соседка услышала историю о том, что вышки сотовой связи 5G связаны с заболеваемостью коронавирусом (см. подробнее [Петров, 2020; Bruns, Harrington, Hurcombe, 2020]), она поверила этому (для нее это *belief narrative*⁵) и бросилась предупреждать других об опасности. Но действительно ли женщина не будет делиться этой историей, если она в нее не верит? В 1991 г. во Франции распространялись анонимные листовки о том, что детские переводные картинки с Микки-Маусом содержат ЛСД. Мотивировки людей, которые их распространяли, изучал социолог Жан-Ноэль Капферер [Kapferer, 1993]. Конечно, большинство опрошенных им паникующих родителей рассказывали эту историю, потому что верили ее содержанию. Однако часть тех, кто сомневался в ее правдивости, все

⁴ Вслед за психологами Г. Олпортом и Л. Постманом слухи можно определить как «высказывание мнения, передаваемого от человека к человеку <...> без представления надежных стандартов достоверности» [Allport, Postman, 1947]. Критику и развитие дефиниции и идей Г. Олпорта и Л. Постмана см., например, в [Shibutani, 1966; Miller, 2005].

⁵ Термины *belief/disbelief narratives* призваны различать установку на достоверность/недостоверность рассказываемого. Фольклорист и антрополог религии Д. Хаффорд определяет «*belief stories*» как нарративы, в которых рассказчик уверен в том, о чем говорится в тексте, и выстраивает свою историю, подкрепляя эту уверенность ссылками на свидетельские показания либо на свой опыт («я видел», «муж соседки рассказал», «это случилось с моим дедушкой» и т. п. В «*disbelief stories*» на уровне нарратива подчеркивается отсутствие веры в рассказанное («это ерунда», «я в это не верю, но говорят» и проч.) [Hufford, 1982].

равно показывала листовку окружающим и обсуждала ее с друзьями [там же: 95]. Таким образом, сомнение в достоверности нарратива замедляет, но не всегда останавливает его распространение: историю про 5G можно рассказать и как *belief narrative* («Это 100% инфа! Спасайтесь»), и как *disbelief narrative* («Смотрите, мне прислали нелепую историю, что вирус распространяется по вай-фаю»). Именно поэтому в нашей базе инфодемических нарративов учтены варианты текстов с разными регистрами доверия к ним.

Вредна или полезна инфодемия?

Если инфодемические нарративы являются «ложными с точки зрения эволюционной приспособленности», то это не значит, что все они опасны — картина гораздо сложнее [подробнее см. Архипова, 2020].

Инфодемический нарратив не возникает в вакууме: он тесно связан со степенью эмоциональной стабильности рассказчика и слушателя в условиях потери внутреннего контроля. Этот тезис поддается экспериментальной проверке. Если рассказчик испытывает стресс, или если в ходе эксперимента ему искусственно занизили чувство контроля над ситуацией, он выказывает гораздо большую готовность соглашаться с конспирологическими слухами или распространять их [Swami et al., 2016]. Ровно также эмоциональное возбуждение оказалось способным усилить доверие к содержанию фейковых сообщений [Martel, Pennycook, Rand, 2020]. Если человек с пониженным чувством внутреннего контроля считает устройство своего общества нестабильным, то он более склонен объяснять все негативные изменения вмешательством внешнего врага [Sullivan, Landau, Rothschild, 2010]. И наоборот, если участник эксперимента может контролировать ситуацию, он меньше соглашается как с содержанием конспирологических теорий, так и с возможностью для себя стать участником цепочки распространения слухов [Prooijen, 2018].

Из этих (и множества других) исследований следует, что появление и распространение инфодемических нарративов в ситуации социальной катастрофы абсолютно *закономерно*. Нет никакого «вражеского центра», цель которого — «забросать нас фейками», чтобы дестабилизировать обстановку. Парадоксальным образом передача инфодемического нарратива друг другу отчасти помогает людям возвращать утраченное чувство контроля. Например, в ситуации, когда мать семейства оказывается безработной, ее дети не ходят в школу, а муж, едущий на работу в метро, наоборот, подвергается повышенному риску заразиться, распространение среди знакомых текстов, говорящих: «я знаю простой способ спастись» или «завтра власти точно будут совершать то-то и то-то, поэтому не ходи туда-то», — есть акт обретения контроля над ситуацией. Недаром в эксперименте американских психологов Салливана, Ландау и Ротшильда группа участников, которая уже показывала «на входе» высокий уровень тревожности, резко успокаивалась, прочитав пугающий текст (на основе выдуманного исследования), доказывающий, что на самом деле США управляет могущественная террористическая организация [Sullivan, Landau, Rothschild, 2010].

Соответственно, инфодемические нарративы выполняют компенсаторную функцию: на короткой дистанции они внушают чувство контроля над ситуаци-

ей — может быть, и ложное, но «объясняющее», что будет дальше. Неудивительно, что многие социологи, антропологи и фольклористы рассматривают слухи как своего рода символический «язык», с помощью которого группа «проговаривает» свои страхи и тем самым снижает уровень тревоги [Kapferer, 1987; Victor, 1993; Campion-Vinsent, 2005]⁶ и адаптируется к новой, зачастую неприятной реальности. Например, официальная медицинская информация о ВИЧ-инфекции в 1980—1990-е годы утверждала, что опасность исходит от сексуальных партнеров, как случайных, так и постоянных. «Низовой» реакцией на эти сведения стали сверхпопулярные городские истории об иглах, зараженных СПИДом, которые неизвестные злоумышленники оставляют в сиденьях кресел кинотеатров и автобусов. Эта легенда снимает с рассказчика вину за заражение, насаждаемую официальным медицинским дискурсом: согласно ей, человек получает болезнь из-за внешних врагов [Goldstein, 2004].

Таким образом, инфодемические нарративы могут быть рассмотрены и как социально-психологическая адаптация к неизвестной пугающей ситуации, и как «эпистемическая неудача». Все дело в оптике: как мы их воспринимаем и к каким последствиям они приводят.

Выступая в качестве механизма социальной адаптации, инфодемические нарративы объединяют людей и часто становятся актом непрямого символического сопротивления, что позволяет усиливать «низовой контроль» против некоего врага — часто воображаемого [Thomas, 2007]. В этом качестве нарративы действуют *здесь и сейчас*, в момент проговаривания текста или осуществления рассылки. Однако если мы, вслед за П. Буае [Буае, 2019], будем рассматривать инфодемические нарративы как потенциальную «эпистемическую неудачу», то мы должны признать, что результат следования ложной информации наступит не сейчас, но в ближайшем (и неопределенном) будущем. Вред здоровью от псевдомедицинского совета «дышать парами водки» или от отказа носить маску и соблюдать дистанцию («потому что коронавируса нет») может наступить через неделю или позже, а может и не наступить вовсе. Например, сверхпопулярные советы (более 303 тыс. репостов) от имени «молодого врача Юры Климова из Уханя» рекомендовали, в частности, мазать горло «Бетадином» (антисептический препарат, не имеющий отношения к профилактике коронавируса) и проводить дыхательную самодиагностику (если хрипов нет, ты здоров). Применение этого совета давало людям возможность самостоятельно удостовериться в том, что они не больны и тем самым снизить панические настроения. Однако с точки зрения эволюционной адаптации, эта самодиагностика была ложной и вредной: сколько человек сделали этот «тест», успокоились и, будучи на самом деле больными, поехали на метро и заразили других людей?

Приведенный выше пример вли наглядно демонстрирует, почему многие специалисты (в первую очередь, эпидемиологи) считают, что опасны именно псевдомедицинские советы (см., например, [Ren, Gao, Chen, 2020]). Эксперты по количественному моделированию в эпидемиологии Джули Брайнард и Пол Хантер, изучая поведение людей во время локальных вспышек инфекционных заболе-

⁶ Подробный обзор этих теорий можно найти в: [Архипова, Кирзюк, 2020: Глава 1].

ваний, обратили внимание на то, что все участники исследования, вне зависимости от уровня образования, пола, возраста, плохо реагируют на медицинскую пропаганду, но в то же время охотно следуют псевдомедицинским советам своего окружения. Авторы создали математическую модель, имитирующую «заражение плохими советами» на основе тех же принципов, по которым распространяются настоящие эпидемии. В результате риск заражения инфекционным заболеванием для всей популяции значительно возрос [Brainard, Hunter, 2019].

По крайней мере две группы исследователей — американских экономистов и британских психологов — попытались проверить, насколько псевдомедицинские советы и конспирологические теории на самом деле являются «эпистемической неудачей» в ситуации нынешней пандемии. Американские экономисты Леонардо Бурштын, Аакаш Рао, Кристофер Рот и Дэвид Янагизава-Дротт изучали влияние на поведение американцев во время пандемии популярного телеканала Fox News, основная аудитория которого — белые консерваторы в возрасте 55+. Шон Хэннити и Такер Карлсон, два популярных ведущих шоу на этом канале, в январе-феврале 2020 г. высмеивали опасность коронавируса и распространяли конспирологические истории о происхождении инфекции. Однако затем Т. Карлсон перестал это делать. Ш. Хэннити же изменил свое поведение аналогичным образом только восемь дней спустя. Исследователи провели опрос зрителей, предпочитающих шоу Т. Карлсона или Ш. Хэннити, а также наложили на карту данные по заболеваемости/смертности, популярности Fox News и того факта, какая из двух передач приходилась на время, когда средняя семья собирается за ужином и смотрит телевизор. На момент 14 марта 2020 г. среди тех, кому нравилось более конспирологическое шоу Ш. Хэннити, стремление не менять свои социальные и гигиенические привычки оказалось очень сильным, а вероятность заражения была на 30% выше, чем у тех, кто предпочитал менее алармистские выступления Т. Карлсона [Bursztyn et al., 2020]. В Великобритании группа психологов провели в апреле 2020 г. опрос (2 501 респондента). Согласно его результатам, сторонники конспирологических теорий не только не доверяют правительству, но и отказываются от мер предосторожности — масок, карантина, социальной дистанции и будущей вакцинации [Freeman et al., 2020]. Прочнее всего эта вера среди тех, кто считает, что коронавирус — это биооружие китайцев или евреев [там же].

Методология исследования и две базы данных для анализа слухов

Изучение вернакулярной (то есть «внеинституциональной»)⁷ реакции на эпидемии, в том числе, через нарративы — достаточно популярная тема в антропологических и фольклористических исследованиях. Тем не менее обычно они проводятся лишь качественными методами [Goldstein, 2004] и часто постфактум. Количественный анализ инфодемических нарративов в основном осуществлялся аналитиками социальных медиа [Cinelli et al., 2020] и в основном на материале Twitter [Breslin et al., 2020]. Эти исследования, как правило, лишь постулируют «точ-

⁷ Под термином «вернакулярная реакция» мы понимаем внеинституциональные практики (в том числе, коммуникативные) множества не связанных организационно между собой агентов, возникающие в ответ на те или иные события. Наше понимание термина основывается на концепции Р. Г. Говарда, который предполагает, что в интернете (а точнее, в партисипаторных медиа) вернакулярное обладает властью, которая принципиально не имеет институциональных источников, потому что апеллирует к «общему знанию» [Howard, 2008: 491—492].

ки беспокойства» [Bastani, Bahrami, 2020; Mouron, 2020; Jaubert, Dolbeau-Bandin, 2020; Ren, Gao, Chen, 2020] и не задаются более глубокими вопросами: почему те или иные типы нарративов становятся популярными, и какие именно слухи воспринимаются как общественно опасные? Большинство авторов не предлагают никаких динамических моделей распространения инфодемических нарративов, а те, что их строят, делают это на примере одной социальной сети или одного сюжета [Bruns, Harrington, Hurcombe, 2020]. Однако именно масштабный сбор панических слухов, фейков, легенд позволяет создать их «нарративную карту» [Laudun, Goodwin, 2013] не только в статике, но и в динамике, а значит, ответить на поставленные выше вопросы. Поэтому мы сделали две базы, первая из которых позволяет проанализировать объем и динамику появления в них инфодемических нарративов, а вторая — реакцию правоохранительных органов на их распространение.

База данных «инфодемические нарративы в социальных сетях» создана с помощью классических [Jason, 2000] и новых разработок в корпусной фольклористике и антропологии [Abello, Broadwell, Tangherlini, 2012; Tangherlini, Leonard, 2013; Ilyefalvi, 2018]. Мы отслеживали появление инфодемических нарративов качественными методами — через наблюдения, интервью, а также сообщения волонтеров⁸. Так у нас в руках оказался первичный набор повторяющихся текстов, которые мы группировали по *микросюжетам*, а потом выделяли ключевые слова⁹ и словосочетания, которые использовались в качестве поискового запроса в системе мониторинга и анализа соцмедиа «Медialogия. SMM»¹⁰. Все поисковые запросы многократно тестировались для того, чтобы получить максимально возможное количество релевантных и минимум нерелевантных текстов. Затем осуществляется выгрузка текстов за заданный период. Сбор осуществлялся с 1 января 2020 года по настоящий момент, всего были получены тексты, размещенные в открытом доступе на более чем 1300 онлайн-платформах (в том числе социальные сети, группы в мессенджерах, блоги, форумы и др.)

База данных «реакция правоохранительных органов на распространение гражданами и организациями недостоверной информации» (или более коротко — «дела о фейках») содержит 203 прецедента реагирования¹¹ по статьям Кодекса об административных правонарушениях (КоАП РФ) и Уголовного кодекса

⁸ На странице «Энциклопедия коронавируса фейков» научно-популярного сайта «Nplus1» мы опубликовали анкету и предложили жителям разных городов отправлять нам слухи и истории о коронавирусе, которые они слышали. Подробнее см.: URL: <https://nplus1.ru/material/2020/04/08/coronarumors> (дата обращения: 18.11.2020).

⁹ В случае клишированного текста поисковым запросом выступает наиболее характерная фраза из него, взятая в кавычки.

¹⁰ Сервис «Медialogия» получает данные из порядка 1 500 платформ, включая собственно социальные сети («ВКонтакте», Facebook, Twitter и другие), платформы обмена визуальной информацией (YouTube), блоги, в том числе автономные, форумы, комментарии к текстам онлайн-СМИ, каналы в мессенджерах (Telegram, WhatsApp) и т. д. Иными словами, объем данных покрывает существенную долю русскоязычных платформ, адаптированных под размещение пользовательского контента.

¹¹ Прецедентами реагирования считаются не только административные и уголовные дела, доведенные до судебного решения, но также любые факты вовлечения правоохранительных органов в вопросы, связанные с распространением слухов, включая предварительные (доследственные) проверки, профилактические беседы с авторами и т. д.

(УК РФ), которые в просторечье получили название «закон о фейках»¹². В них упоминается 216 случаев употребления какого-либо микросюжета (иногда гражданин рассказывал историю с несколькими микросюжетами или публиковал более одного поста или ролика).

К сожалению, на данный момент не существует открытых источников, аккумулирующих всю совокупность решений судов общей юрисдикции в режиме реального времени, поэтому базу мы делали сами, используя результаты мониторингов Международной правозащитной группы «Агора»¹³ и правозащитного проекта «ОВД-Инфо»¹⁴, а также публикации в СМИ (особое внимание уделялось пресс-релизам МВД и СКР в разных регионах). Собранные данные группировались по дате публикации сообщения о реагировании на «фейк», месту совершения правонарушения, субъекту правонарушения, вменяемой норме КоАП или УК, мере наказания (если она известна), а также по содержанию информации, распространенной нарушителем.

Жизненный цикл слуха в социальных медиа и презентация его в базе данных

Жизненный цикл инфодемического нарратива в социальных медиа делится на видимую и невидимую части. Видимая часть — публикации в социальных сетях и публичных каналах мессенджеров¹⁵, а «невидимки» (для поиска в системе «Медиалогия») — приватные коммуникации. Часто текст (например, рассылка об угрозах вакцинации) сначала циркулирует в приватных чатах — переписке между знакомыми или, например, в «родительском» чате школьного класса. Потом, если он стал достаточно популярным, им делятся в социальных сетях — так и начинается его публичная жизнь. Следовательно, рассылка попадает в наше поле зрения только тогда, когда ее, например, кто-то выкладывает на своей странице в соцсети. Это означает, что мы отслеживаем не весь жизненный цикл микросюжетов в социальных медиа, а только его публичную часть.

Несмотря на то, что у этого «айсберга» есть подводная часть, надводная едва ли не важнее для его функционирования: именно репосты в публичном пространстве нормализуют сюжет («если все об этом говорят, значит, это правда / значит, распространять такой текст — социально одобряемое поведение») или, наоборот, ставят его под сомнение, вызывают общественную дискуссию. Соответственно, переход нарратива в видимую сферу ведет к активному распространению «фейков» и изменению поведения существенного числа людей. Например, резкий рост

¹² Административная ответственность устанавливается частями 9—11 ст. 13.15 КоАП РФ о «злоупотреблении свободой массовой информации», а уголовная ответственность — ст. 207.1 УК РФ «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан», она установлена Федеральным законом от 01.04.2020 г. № 100-ФЗ, т. е. почти одновременно с началом эпидемии COVID-19 в России.

¹³ Селезнев С. Эпидемия фейков: борьба с коронавирусом как угроза свободе слова. Доклад Международной Агоры. 2020. URL: <https://www.agora.legal/articles/Doklad-Mezhdunarodnoi-Agory-%C2%ABEpidemiya-feikov-borbas-koronavirusom-kak/30> (дата обращения: 18.11.2020).

¹⁴ Сердечно благодарим «ОВД-Инфо» за предоставленные материалы.

¹⁵ Сервисы Social Media Listening, как правило, отлично индексируют вербальный текст в письменной форме, чуть хуже — устные тексты в аудио- и видеофайлах (выдавая их исследователю в форме расшифровки) и тексты, распознаваемые с изображения (например, скриншота рассылки). А вот изображения, которые никак не подписаны, не индексируются вообще. Это не очень существенное ограничение для данной работы, но его стоит учитывать.

цен на имбирь в марте 2020 г. — результат активного распространения нарратива о «лечении» COVID-19 имбирем.

Наша база инфодемических нарративов отражает только «видимую часть». Структура базы имеет три уровня содержательных единиц: «тематическая группа микросюжетов» — «микросюжет» или «рассылка» — «варианты текстов».

Например, фрагмент диалога в мессенджере — «А вообще все переболели давно а сейчас могут через тесты заражать так как выгодно властям садить людей на карантин»¹⁶ — состоит из трех микросюжетов (несмотря на краткость этого текста): а) все давно переболели [то есть у нас есть иммунитет, коронавирус не опасен]; б) [враги/власти] через тесты заражают людей; с) власти вводят карантин ради выгоды, а не ради спасения людей. Каждый микросюжет ответственен за появление целого ряда нарративов и существует как сам по себе, так и в составе сложных текстов. Другими словами, микросюжет — это содержательная единица, образующая повествование и повторяющаяся из текста в текст.

Кроме того, в составе этой базы данных содержится значительное количество нарративов, распространяемых в крайне стереотипизированной форме почти без изменений. Это анонимные (за редкими исключениями) рассылки текста, видео или голосовых сообщений, часто сделанные в виде личного обращения («Леночка, послушай, что скажу»). Они могут включать в себя уже существующие микросюжеты, но мы их считаем за отдельные единицы. Например, популярный слух о том, что «вертолеты дезинфицируют город» (см. подробнее [Arkhipova, Brodie 2020]), мог распространяться в виде слабоструктурированных высказываний или рассылки в WhatsApp:

Таблица 1. Разворачивание микросюжета о вертолетах, которые дезинфицируют город, в слабоструктурированном нарративе и в клишированной рассылке

Рассказ информанта*	«Рассылка» в WhatsApp**
17 марта в 23.08 я получила сообщение от своего начальника <...>: «Окна завтра до утра не открывайте» <...>. Я спросила: «А что такое?», в ответ она сказала, что вроде бы обработка будет.	Сегодня в 23:00 и до 5:00 утра, вертолеты будут распылять лекарство для дезинфекции, окна и балконы должны быть закрыты и на улице после 23:00 находится нельзя. Сообщили из военной части.

* Сообщение получено в марте 2020 г. от В. Н., жен., 25 лет, Санкт-Петербург.

** Голосовая рассылка распространялась по WhatsApp и другим мессенджерам. Сообщение получено 16.03.2020.

167 микросюжетов слухов: что мы о них знаем?

Всего мы нашли 167 микросюжетов (среди них — 68 клишированных рассылок), которые так или иначе варьировались, как минимум, в 1 951 143¹⁷ текстах с 1 февраля по 11 августа 2020 г. Однако неверно было бы утверждать, что российские слухи о коронавирусе и его последствиях этим исчерпываются — речь идет о видимой части корпуса, которая была проанализирована для настоящей статьи.

¹⁶ Июнь 2020 г., WhatsApp. Здесь и далее тексты приводятся с сохранением орфографии и пунктуации источника.

¹⁷ Кроме того, как мы видели выше, в одном тексте может быть представлено несколько микросюжетов. Поэтому, когда мы суммируем полученные данные, мы говорим не о сумме текстов, а о сумме воспроизведений микросюжетов.

Инфодемические нарративы, которые мы собрали, делятся на восемь тематических групп, перечисленных в порядке уменьшения популярности внутри массива на рисунке 1.

Рис. 1. Тематические группы микросюжетов¹⁸

Группа I: Реальной опасности нет, власти используют коронавирус в своих интересах (19 микросюжетов и рассылок, 644 410 репостов). Это самая популярная группа, состоящая из нарративов ковид-диссидентов, уверенных, например, в том, что врачи фальсифицируют диагноз «коронавирус», чтобы получить выплаты, а изобретение вакцины от несуществующей болезни — это манипуляция ВОЗ для получения денег:

Представляешь, у меня родственница скончалась в Краснодаре. У нее была 4-я стадия онкологии. Приехали врачи и стали уговаривать всю семью, чтобы причиной смерти указать коронавирусную инфекцию. После вежливого отказа, врачи стали предлагать деньги: сначала 10000Р, потом 15000Р. (Микросюжет № 35: 19 Facebook, комментарий, 18.04.2020)

Сюда также входят «личные свидетельства» о пустых больницах или похоронах пустых гробов, «о спокойствии и нормальной жизни», которые рассказчик (или кто-то из его близких знакомых) якобы видел своими глазами:

Девочки, сейчас закончила разговаривать с подругой, которая живет в Мадриде. Все у них спокойно, да сидят на карантине, да сидят дома, но никаких вот этих страшилок, которые скинула Полина, ни в Италии, ни в Мадриде абсолютно нет. У них ходят такие же фейки, только про Россию. Что грузовиками вывозят людей, сбрасывают в ямы и засы-

¹⁸ По данным «Медиалогии» с 1 февраля по 11 августа 2020 г. Общее количество репостов: 1 951 143.

¹⁹ Здесь и далее номер указывает на номер нашего каталога сюжетов и текстов инфодемии.

пают известью. Так что не верьте этой панике. Все это натуральные фейки, чтобы продать ту вакцину, которую сделала когда-то Америка и заразила нас всех коронавирусом. Живите спокойно, все у нас хорошо, и никакого коронавируса — все это обыкновенный грипп. (Микросюжет № 39: WhatsApp, голосовая рассылка, 10.04.2020)

Иногда нарративы отрицателей опасности COVID-19 могут носить политический характер — например, есть устойчивый текст о том, что людей запугали коронавирусом специально, чтобы надеть на них маски и таким образом физически «закрыть им рты» — то есть лишить права на выражение своего мнения.

Группа II: Псевдомедицинские советы и «народные» рецепты (38 микросюжетов и рассылок, 609 770 репостов). В эту группу мы включаем тексты, напрямую имитирующие медицинские рецепты и инструкции, а также советы из области альтернативной и народной медицины, включая предложения средств с недоказанной эффективностью. Среди них встречаются «народные» способы диагностики, например, «дыхательный тест»: «если можете задержать дыхание на 10 секунд, у вас не коронавирус». Также распространяются списки профилактических средств, которые могут «изгнать» или «убить» вирус на месте при помощи дезинфицирующих свойств (горячая вода, сода, водка), резкого запаха, едкого вкуса (чеснок, лук, имбирь), а также божественной силы, подкрепленной религиозным авторитетом [Радченко, 2020]. Кроме этого, встречаются советы потреблять продукты, «поднимающие иммунитет»: чеснок, лимон, имбирь, мед, куркума, хаш, сало и др. (подробнее см. [Гаврилова, 2020]).

Чтобы сделать сообщения с «народными» лекарствами и псевдомедицинскими советами более убедительными, их авторы часто ссылаются на авторитет существующих или вымышленных докторов. Наибольшее доверия заслуживают выходцы из России или СССР, сумевшие сделать медицинскую карьеру за рубежом: «Юра Климов» из Уханя, «Александр Колосов» из Италии, русскоязычный «врач в Израиле» — особенно если они говорят от первого лица и рассказывают о том, как сами заболели коронавирусом и сумели выздороветь при помощи своего бесплатного чудо-средства.

Группа III: Коронавирус создан внешними врагами как биологическое оружие (24 микросюжета и рассылки, 242 489 репостов). Самый популярный нарратив в этой группе — вирус был создан Биллом Гейтсом и мировым правительством с целью обретения власти над миром и контроля над численностью населения Земли. Также среди создателей вируса упоминаются американцы (для борьбы с Китаем), китайцы, евреи и масоны.

Группа IV: Вакцины, тесты, маски — это способ чипирования или убийства (23 микросюжета и рассылки, 188 656 репостов). Здесь выделяются два типа панических нарративов. Первый из них утверждает, что под предлогом лечения, тестирования или вакцинации будут убивать либо определенную группу людей (например, стариков или бедных), либо вообще всех, чтобы сократить численность жителей Земли. Нарративы второго типа рассказывают о том, что под предлогом

вакцинации или тестирования людей будут чипировать и превращать в «цифровых рабов» (или в рабов Антихриста):

Я хочу предупредить тебя, а ты предупреди своих близких. Во-первых, никаких тестирований на коронавирус <...>. В тестовых материалах имеются следы коронавируса, то есть под предлогом, что всех хотят протестировать — переболел ты или нет, людей заражают коронавирусом. Билл Гейтс уже заявил, что вакцина от коронавируса есть <...> в вакцину методом нанотехнологий уже введены чипы... (Микросюжет № 64: Facebook, голосовая рассылка, 06.05.2020)

Группа V: Вирус распространяется через продукты, вещи, сотовую связь, в том числе, в результате их намеренного заражения врагами (22 микросюжета и рассылки, 137 063 репоста). Самый известный сюжет в этой группе — панические сообщения о том, что вирус передается через вышки 5G:

СРОЧНО! НАС ХОТЯТ УБИТЬ! Брат работает инженером в Минкомсвязи. Короче, там назревает большой скандал из-за вышек 5G. 10 человек уже уволились. 15 человек объявили забастовку, обвиняя руководство Минкомсвязи в планировании массового убийства населения. В здании дежурят сотрудники ФСО <...>. СМИ сдерживают информацию <...>. (Микросюжет № 95: Facebook, WhatsApp, текстовая рассылка, 20.05.2020)

Остальную часть текстов, вошедших в эту группу, составляют предупреждения о том, что нельзя прикасаться к какому-то предмету или есть какое-то продукты, так как они могут быть заражены коронавирусом:

В больнице Синьхуа вчера ночью погибли 23 человека, которые были заражены вирусом n7n9. <...>. В новостях главного канала попросили временно не употреблять в пищу бананы, особенно привезенные с юга. (Микросюжет № 143: WhatsApp, голосовая рассылка, январь 2020)

Группа VI: Власти скрывают реальную информацию об эпидемии и ее последствиях (8 микросюжетов и рассылок, 69 835 репостов). Нарративы группы в основном о том, что в каком-либо городе власти скрывают настоящее число зараженных или умерших. Иногда сокрытие реальной информации объясняется корыстными целями властей, например, желанием не откладывать голосование по поправкам в Конституцию:

В Москве 20 тыс. заболевших коронавирусом <...>. Бережем наших близких и запасаемся продуктами. К сожалению, говорят, что будут пустые магазины. Информация более чем достоверная. В Италии передают о том, что у нас заболевшие. У нас не передают — для того, чтобы мы эту гребанную Конституцию приняли. И за два месяца, вы понимаете, за два месяца до принятия этой Конституции, что будет. Просто погибнет очень много народу. (Микросюжет № 139: WhatsApp, голосовая рассылка «Обращение к Леночке», 02.03.2020)

Небольшое количество микросюжетов и репостов в этой группе — следствие того, что мы смогли «захватить» только их видимую часть. Наши качественные исследования показывают, что слабо структурированные тексты на эту тему хорошо распространялись в невидимых для «Медиалогии» мессенджерах и обсуждались устно (на фоне обширной дискуссии в СМИ).

Группа VII: Представители власти манипулируют информацией об эпидемии и ее последствиях (26 сюжетов и рассылок, 33 508 репостов). В группу входят тексты о мерах противодействия коронавирусу, которые могут оказаться гораздо более опасными, чем сам вирус: слухи о дезинфекции города с вертолетов или по водопроводу («лекарство» вредит людям), а также предупреждения о переводе школьников на вечное дистанционное обучение или о введении комендантского часа в городе N.

Группа VIII: Слухи о вредительских действиях мошенников и мигрантов во время пандемии (7 микросюжетов и рассылок, всего 25 412 репостов). Тексты этой группы представляют собой предупреждения о деятельности мошенников (они приходят под видом дезинфекторов, усыпляют людей газом или отравляют с помощью масок, после чего грабят квартиры) или о мигрантах, которые нападают на людей и отнимают у них сумки с продуктами, вымогают деньги, оставляя записки на машинах, а также заражают других людей.

Кто эти люди? Собирательный портрет «распространителей слухов»

В этом разделе представлен собирательный портрет тех, кто вовлечен в трансмиссию инфодемических нарративов: речь пойдет о том, что мы знаем о демографии и географии «авторов» текстов. Несмотря на то, что мы для простоты называем их «распространителями слухов», этот термин не является оценочным. Более того, при определенных условиях каждый из нас может оказаться участником подобной трансмиссии.

Кто будет активнее распространять инфодемические нарративы: инфлюэнсеры с высоким числом подписчиков или обычные пользователи социальных медиа? Интуитивно нам кажется, что у фейковой новости или слуха будет более высокий шанс выжить и распространиться, если это сообщение опубликовано в посте инфлюэнсера. Более того, казалось, мы неоднократно такое наблюдали и в случае российской пандемии. Екатерина Гордон, рассказывающая про лекарства от коронавируса, и Никита Михалков — про Билла Гейтса и чипирование — очевидные примеры этому. Однако оказывается, что такие случаи редки, хотя и запоминаются. У 85 % авторов подобных постов число подписчиков составляет менее 500, а тех, чья аудитория свыше 10 000 — всего 2 %.

Чем можно объяснить этот факт? Психологи Роланд Имхофф и Пиа Лэмберти во время своего эксперимента запускали фейковые новости и конспирологические слухи, а затем отслеживали, кто эти сюжеты распространяет [Imhoff, Lamberty, 2017]. Исследователи пришли к выводу, что триггером трансмиссии становится запрос потенциального рассказчика на уникальность. Те из «подопытных», кто хотел быть особенным, то есть стремился привлечь всеобщее внимание, но не чув-

ствовал себя достаточно успешным в этом (не писал популярных постов, не мог похвалиться хорошей работой), гораздо активнее распространяли броские тексты, не задумываясь над их соответствием истине. Во втором эксперименте психологи внесли дополнительное условие: они сообщали испытуемым, что ту теорию, о которой они сообщают, многие считают недостоверной. Но участники с «запросом на уникальность» все равно (и в даже большей степени) выражали стремление распространить эту новость. Ведь если произойдет чудо, и инопланетяне все-таки приземлятся на лужайке перед Белым домом, именно такие авторы окажутся распространителями ценной информации [там же].

В известной песне Владимира Высоцкого поется про слухи, которые разносят по углам «беззубые старухи». Это довольно популярный стереотип. Но так ли это? Согласно нашей базе данных, распространителями инфодемических нарративов в социальных сетях чаще оказываются женщины: 63 % женщин против 37 % мужчин (пол авторов сообщений известен примерно в 70 % случаев). На первый взгляд, это соответствует ожиданиям. Однако по данным Росстата²⁰, на момент 2020 г. среди населения РФ 54 % составляют женщины, а 46 % — мужчины, следовательно, женщин среди распространителей слухов лишь на 9 % больше ожидаемого. Меж тем наказывают за распространение фейков чаще всего, наоборот, мужчин²¹ (57 % случаев)²². Скорее всего, это связано с тем, что в РФ к женщинам административные и уголовные наказания вообще применяют реже.

Судить о возрасте распространителей инфодемии в социальных сетях сложнее, так как данные доступны только по 25—30 % авторов. Однако среди тех, кто указал свой возраст, 2 % моложе 18 лет, 3 % — в возрасте 18—24 лет, 18 % — 25—39 лет, 43 % — от 40 до 60 лет, и 34 % старше 60 лет. С учетом того, что в старшей возрастной группе по сравнению с более молодыми людьми интернет используют реже, картина становится еще более выразительной. Видимо, инфодемию в основном поддерживает зрелая аудитория — как за счет доверия к распространяемым материалам, так и за счет более высокого уровня стресса: эти люди либо сами находятся в зоне повышенного риска заражения COVID-19 из-за возраста и заболеваний, либо имеют на своем попечении таких людей, а также несовершеннолетних детей — то есть, эта группа испытывает трудности и из-за риска заражения, и из-за проблем, связанных с режимом изоляции.

Инфодемия распространялась по РФ неравномерно — наибольшее число текстов оказалось сосредоточено в двух крупнейших городах — Москве и Санкт-Петербурге. Причина этого отчасти и в том, что количество населения в них больше, и в том, что здесь уровень неопределенности мог быть выше — за счет повышенного риска заражения, а также за счет более значительного уровня доходов и туристической и бизнес-мобильности, заставляющих людей волноваться о судьбе оплаченных билетов для поездок по РФ и за рубеж.

²⁰ Демографи // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 19.11.2020).

²¹ В четырех случаях к административной ответственности было привлечено СМИ, и в 14 случаях субъекта правонарушения не удалось установить.

²² В% от количества известных публикаторов слухов. Из 203 дел, заведенных за «фейки», в 25 случаях автор/распространитель информации на момент написания статьи не установлен, а в 5 «фейками» были признаны коллективные видеообращения.

Неравномерно распространяется инфодемия и в виртуальном мире: она охватила прежде всего два наиболее популярных в России социальных медиа²³: «ВКонтакте» и «Одноклассники». Однако «ВКонтакте», проникновение которой в полтора раза выше «Одноклассников» (72 % против 45 % по данным Mediascope)²⁴, несколько отстает от последней по уровню воспроизведения фейков (см. табл. 2). Правоохранительные органы чаще всего обращают внимание на публикации и даже на комментарии во «ВКонтакте» (этому, видимо, способствует тот факт, что администрация сети охотно предоставляет полиции и Следственному комитету РФ данные о пользователях)²⁵, также в зоне риска — отправка аудиосообщения в WhatsApp и Instagram.

Таблица 2. На каких онлайн-платформах встречаются фейки, и где они привлекают внимание правоохранительных органов

Социальные медиа	Инфодемические нарративы в соцсетях (в % от общего кол. репостов)	«Фейки» в протоколах правоохранительных органов (в % от 177 случаев реагирования)*
«Одноклассники»	35,5	1,7
«ВКонтакте»	30,5	40
Facebook	15,6	2,8
YouTube	13,6	6,2
Instagram	0,9	7,9
Twitter	0,9	2,8
Telegram	1	6,8
WhatsApp	0	14,7
Viber	0	1,7
Другое	2	2,1
Платформа неизвестна	—	14,1

* Данные приводятся без учета протоколов по 26 административным и уголовным делам, заведенным на журналистов и редакторов средств массовой информации.

И последний в этом разделе вопрос — есть ли зависимость между уровнем образования человека и его вовлечением в трансмиссию инфодемических нарративов? Интуитивно многие считают, что чем лучше человек образован, тем меньше он будет пересказывать слухи. И действительно, исследования психологов показывают, что вера в конспирологию и готовность распространять слухи коррелирует с низким

²³ Соцсеть № 2 по уровню ежемесячного проникновения — Instagram — существенно отстает по сугубо техническим причинам: ее характер не приспособлен к распространению длинных вербальных текстов.

²⁴ Подробнее см.: Курносова Е. Социальные сети в цифрах // Mediascope.net. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/f97/18.04.2019_Mediascope_%D0%95%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B0%20%D0%9A%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D0%A0%D0%98%D0%A4+%D0%9A%D0%98%D0%91%202019.pdf (дата обращения: 18.11.2020).

²⁵ Подробнее см.: Волков: «ВКонтакте» раскрывает личные данные оппозиционеров центру «Э». Соцсеть: Уголовное дело для этого не нужно // Фонтанка.ру. 2018. 18 августа. URL: <https://www.fontanka.ru/2018/08/18/037/> (дата обращения: 18.11.2020).

уровнем образования, но во многом не из-за знаний как таковых, а из-за того, что наличие образования дает людям чувство защищенности [Prooijen, 2018].

Достоверных данных по образованию пользователей социальных сетей у нас нет, но из указавших образование «авторов» инфодемических сообщений 73 % имеют высшее образование, 26 % среднее и 1 % — неоконченное среднее. Эти данные противоречат нашей интуиции. Дело в том, что «защита» от слухов образованием подтверждается в лабораторных условиях вне ситуации социальной катастрофы. Когда же происходит эпидемия коронавируса [Freeman et al., 2020] или гражданская война [Greenhill, Oppenheim, 2017], эта зависимость ослабляется. Образование перестает быть «защитой» от конспирологии, и люди с хорошим образованием и аналитическими способностями тоже начинают распространять инфодемические нарративы.

Все эти данные показывают недостоверность такого объяснения причин инфодемии, как распространение слухов внешним («заграничным») врагом. Этот воображаемый враг может (теоретически) подкупить инфлюэнсеров, но в массовое распространение инфодемии вовлечены в основном рядовые пользователи социальных сетей средних лет (многие из которых имеют высшее образование) с маленьким числом подписчиков.

«Бежать нельзя остаться» или «принцип неопределенности» при возникновении слухов

По свидетельству антрополога Э. Эванс-Притчарда, если рядом с охотником из племени азанде внезапно падало дерево или возникал пожар, он объяснял эти события тем, что против него действовал могущественный колдун [Evans-Pritchard, 1976]. Так происходило не потому, что охотник не знал, почему возникают пожары и падают деревья, а потому, что он был уверен, что «сами по себе» такие события произойти не могут. Воздействие сильного колдуна-врага — вот причина того, почему неприятные происшествия случились именно здесь и сейчас, рядом с вами [там же]. Такие объяснения создают удобные объяснительные рамки для случайных событий, превращая их в понятные «социальные факты».

Психологи Дженнифер Уитсон и Адам Галински исследовали вопрос о влиянии чувства неопределенности и потери контроля над ситуацией на распространение объяснений другого толка: конспирологии и прочих слухов [Whitson, Galinsky, 2008]. В ходе эксперимента они заставляли людей испытывать чувство потери контроля над событиями (например, в течение некоторого времени вспоминать травматические события детства), после чего у участников эксперимента возрасла способность находить несуществующие закономерности в случайном наборе данных, а также готовность пересказывать теории о могущественном враге, который влияет на повседневную жизнь [там же]. Такой эффект можно наблюдать не только в ходе лабораторного эксперимента. Келли Гринхилл и Бен Оппенхайм исследовали слухи в зонах гражданских конфликтов на Филиппинах и в Тайланде: оказалось, что лучше всего они распространяются в тех районах, где была зафиксирована сильная политическая нестабильность, а восприимчивость респондентов к слухам определяется большей степенью неразрешимости конфликта [Greenhill, Oppenheim, 2017].

Интуитивно нам кажется, что «взрыв» слухов и прочих инфодемических нарративов должен прийти на тот момент, когда сначала эпидемиологическая, а затем и социально-экономическая ситуация в России стали по-настоящему опасными — большое количество заболевших COVID-19, введение карантин, больницы, работающие на пределе возможностей, острая нехватка средств индивидуальной защиты для врачей и обычных граждан, потеря многими россиянами работы — и это даже не учитывая того факта, что рутинная повседневность претерпела значительные изменения. Иными словами, мы ожидали всплеска распространения слухов в апреле и первой декаде мая (10 мая 2020 г. число зараженных достигло пикового на тот момент для российской пандемии значения — 11 656 человек заболело за день).

Между тем, слухи о коронавирусе начали бурно распространяться вовсе не в этот момент. Рост их популярности начинается в феврале-марте — когда о случаях заражения в России еще почти не сообщалось (см. рис. 2). Тем не менее в это время из Китая, а затем и из Европы начинают поступать тревожные новости. В Италии эпидемическая обстановка становится все серьезнее. Это происходит на фоне официальных заявлений властей, что у нас коронавируса нет и, скорее всего, не будет. Возникает та самая ситуация неопределенности: россияне не могут понять, какие решения надо принимать по поводу грядущего столкновения с новой угрозой. Другими словами, складывается классическая ситуация «бежать нельзя остаться».

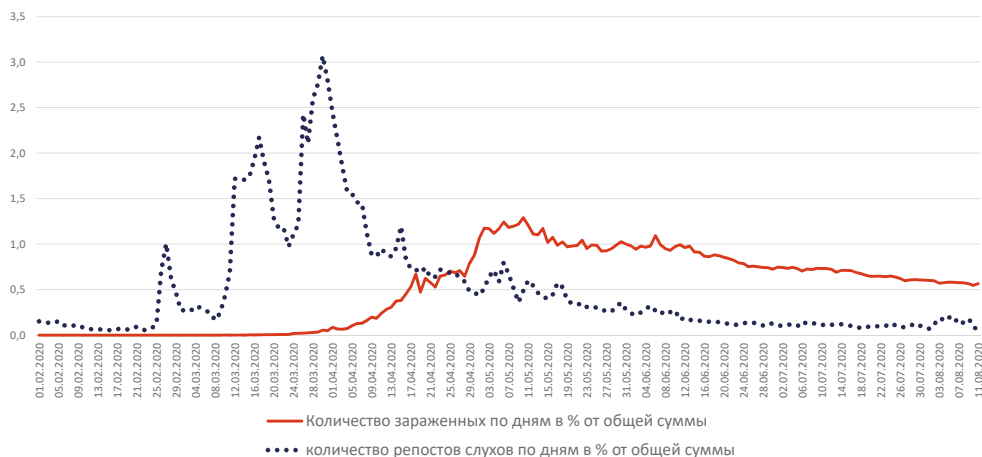

Рис. 2. Рост слухов о коронавирусе за период с 01.02.2020 по 11.08.2020 и количество зараженных по дням за тот же период²⁶

Напряжение постепенно нарастает, а ощущение, что «мы будем вне всего этого» слабеет: становится понятно, что COVID-19 выбрался за пределы Китая. 20 февраля 2020 г. Россия вводит запрет на въезд всем китайским гражданам.

²⁶ По данным сайта СТОПКОРОНАВИРУС.РФ. URL: <https://стопкоронавирус.рф>.

23 февраля в Казань самолетом МЧС доставлены восемь россиян с зараженного круизного лайнера «Diamond Princess», трое из них — с коронавирусом. С 24 февраля закрывают публичные места в Италии и Испании (в том числе, базилику Сан-Марко). С 3 марта в аэропортах России усиливают санитарный контроль для самолетов из стран с высокой степенью зараженности. С 10 марта очень быстро повышается активность слухов о том, что вирус распространяется через предметы, еду и сотовую связь (в том числе как результат намеренного заражения). Но если есть действие, то есть и противодействие: начинает стремительно набирать силу «Цунами» отрицания коронавируса и предположений о том, «что на самом деле за этим стоит». Именно тогда — в конце февраля и в марте 2020 г. — начинается лавинообразный рост количества слухов и их сюжетных типов (см. рис. 2 и 3). Практически все известные нам сюжеты возникли в период неопределенности.

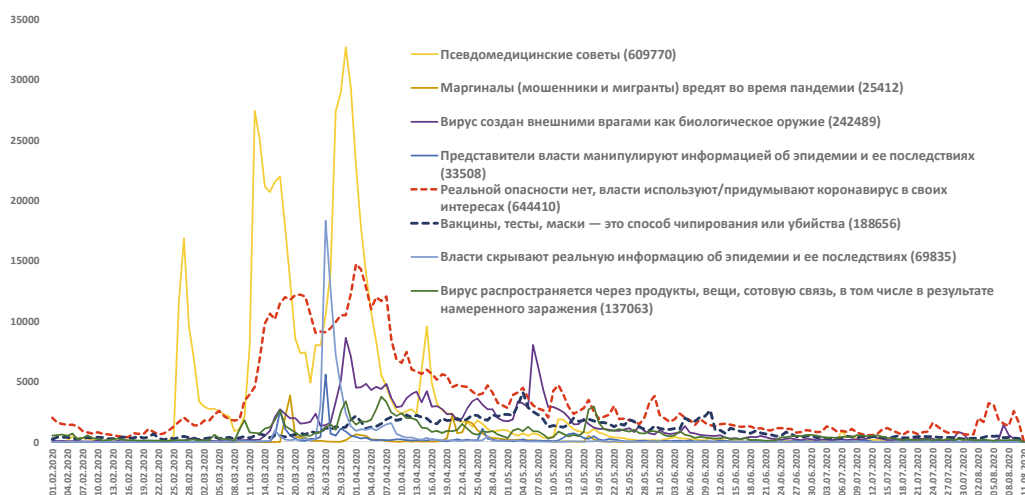

Рис. 3. Тематическая динамика российской инфодемии с 01.02.2020 по 11.08.2020²⁷

11 марта Италия закрывается на карантин, ВОЗ объявляет вспышку COVID-19 пандемией, Россия ограничивает сообщение с Евросоюзом. 12 марта количество псевдомедицинских советов достигает нового пика, превысившего первый. С 15—16 марта восемь стран Европы полностью закрывают границы. В России бурно идет обсуждение того, будет ли введен карантин, и страх перед экономическим неблагополучием только подпитывает эту гигантскую волну (см. рис. 3). Чем сильнее ощущение надвигающегося карантина, тем сильнее (особенно с 16 марта) в российских городах набирают активность слухи о том, что власти скрывают настоящее (катастрофическое) положение дел, и истинное число зараженных или умерших от коронавируса у нас гораздо выше. Наконец, последующие две недели — последняя в марте и первая в апреле — когда было непонятно, что происходит, сколько продлятся «нерабочие дни» (25 марта президент РФ пообещал

²⁷ В скобках указано абсолютное количество репостов внутри темы.

лишь одну неделю), создали новый пик неопределенности, поэтому неудивительно, что именно они стали самыми «слухопорождающими».

Итак, рост инфодемических нарративов происходит не в ситуации максимальной опасности для населения, а в ситуации максимальной неопределенности. Косвенное подтверждение нашему выводу можно найти в статье австралийских специалистов в области *media studies*. Аксель Брюнс, Стивен Харрингтон и Эдвард Харкомб проследили распространение сюжета о связи между технологией 5G и коронавирусом в Facebook [Bruns, Harrington, Hurcombe, 2020]. Первоисточником слуха послужил текст на французском языке, появившийся 20 января 2020 г. В течение последующих 30 дней этот текст репостился медленно, а первая вспышка интереса к нему произошла в период с 20 по 26 февраля, когда вирус попадает в Европу, но в европейских странах еще не наступает «локдаун». Далее лавинообразное нарастание слухов о связи новой технологии и вируса коррелирует с увеличением ограничений в тех странах мира, куда приходит эпидемия [ibidem].

«Полина» против «Юры»:

зачем нужны паникующий или успокаивающий инсайдер

С 25 февраля 2020 г. на первое по популярности место (см. рис. 3) выходят псевдомедицинские и народные рецепты «как себя сберечь»: пить водку, настой чеснока, прикладывать имбирь, гладить котиков. Самыми популярными отказались советы лечиться горячей водой и диагностировать у себя отсутствие коронавируса по наличию насморка от имени «молодого врача Юры Климова, который работает с вирусом в Ухани» (это перевод советов «родного племянника из Шэньчжэня», появившихся в китайских соцсетях не позже 29 января)²⁸. Спустя буквально несколько дней начинает распространяться аналогичный «диагностический» совет со ссылкой тайваньских (иногда — японских) медиков: предложение проверить при помощи простого теста, есть ли у вас затруднение дыхания, и если нет, выдохнуть с облегчением, а если есть — вам поможет все та же горячая вода. Об этих советах суммарно написали в 611 754 сообщениях²⁹, причем наиболее остро потребность увериться, что не больны, у россиян возникала трижды (см. рис. 3 и 4).

На первый взгляд, здесь есть какое-то противоречие — неужели горячая вода воспринимается людьми как наиболее надежное средство от коронавируса? И да, и нет. С одной стороны, ее действенность подкреплена авторитетом не просто медика, но «нашего человека» на передовой борьбы с болезнью. С другой стороны, гиперпопулярным текст про «Юру из Ухани» сделала возможность увериться, что вы не больны опасным вирусом, и больше об этом не беспокоиться. Такие «экспресс-тесты», возможно, спасли немало нервов в ситуации всеобщего замешательства, когда не только тестирование, но и просто проверенная информация были малодоступны, а истории об опасности и малоизученности заболевания —

²⁸ Текст был переведен с китайского и скомпилирован с несколькими другими. Авторы статьи сердечно благодарят за консультацию китаиста Аглаю Старостину.

²⁹ Причем нередко «Юра из Ухани» и «тайваньские медики» распространялись «пакетом»: их отправляли друг другу вместе или объединяли в один текст. Именно поэтому в тот момент, когда текст «Юры» соединяется с советом «проверка на коронавирус с помощью дыхательного теста», мы перестали считать распространение «Юры» и считали только «дыхательный тест».

наоборот. Но, как и другие «народные средства», они приводят к неоправданному чувству успокоения и мешают вовремя принять решение об обращении к врачам.

25 марта президент России В. В. Путин объявил о введении с 30 марта «нерабочих дней» в «целях обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия». И моментально — в тот же день — резко возрастает количество «слухов-паникеров» — притом, что количество текстов ковид-диссидентов остается стабильно высоким. Это очень непонятная, амбивалентная ситуация: людям трудно решить, верить ли властям — а значит, и предлагаемым ими мерам. Именно поэтому в тот момент огромную популярность приобрел текст жительницы Италии Полины Головушкиной о тяжелой ситуации в этой стране:

Сегодня мы все сидим по домам, морги и даже стадионы заполнены трупами, их невозможно даже сжигать. Люди умирают так, как только могут умирать во времена страшной эпидемии. Мы нередко остаемся без еды; с огромным страхом доходим до ближайшего магазина, где можем приобрести продукты, и немедленно возвращаемся домой; а если не вернемся, подвергаемся репрессиям со стороны полиции. (Facebook, пост, 23.03.2020)³⁰

«Рассказ Полины» не был анонимной рассылкой или фейковым сообщением — это авторский текст, наполненный эмоциональным (и местами преувеличенным) описанием увиденного и прочитанного в итальянских СМИ. Однако его начали стремительно распространять в социальных сетях, и он стал меняться по законам фольклорной трансмиссии. Текст стал сокращаться, а эмоциональные элементы — наоборот, «дописываться»³¹. Полина превратилась в «Машу», «Нину», «соседку», «подругу» — именно для того, чтобы убедить окружающих в достоверности происходящего. Наконец, патриарх Кирилл в своей проповеди пересказывает (с добавлением новых страшных историй) «письмо Полины», превратив автора в одну «православную женщину из Италии»³².

«Письмо Полины» появилось за несколько дней до обращения В. Путина и первоначально едва набрало 200 репостов. Зато 25 марта 2020 г., то есть сразу после президентского обращения, оно рвануло вверх: 25 марта — 3 тыс. репостов в соцсетях, а 26 марта — уже 18 тыс. репостов. Это можно объяснить только одним: люди, оказавшиеся в ситуации неопределенности, не понимающие, можно ли верить официальным источникам информации, нуждаются в некотором подтверждении, но не со стороны представителей властных институтов, а со стороны инсайдера — то есть «нашего человека» на «линии фронта».

Таким инсайдером оказалась «Полина из Италии» — так же, как и «молодой врач Юра из Ухани». Только «Полина» — инсайдер паникующий, а «Юра» — успокаивающий. Рассказ «Полины» об итальянских ужасах легитимизирует введение

³⁰ URL: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=3188408991190172&id=100000633068237&hc_location=ufi (дата обращения: 19.11.2020)

³¹ Подробнее про судьбу этого текста см.: Кирзюк А. Рассказ «Полины из Италии» // Энциклопедия коронавирусных фейков. Пополняемый каталог толков вокруг пандемии. N+1. 2020. 8 апреля. URL: <https://nplus1.ru/material/2020/04/08/coronarumors> (дата обращения: 18.11.2020).

³² Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. «Сегодня отечество наше проходит через трудные испытания» // Православие.ru. 2020. 29 марта. URL: <http://www.pravoslavie.ru/129776.html> (дата обращения: 18.11.2020).

карантина в глазах многих россиян, а «советы Юры» (последний всплеск которых наблюдался сразу после «Полины») позволяют успокоиться после шокирующего изменения правил жизни и понять, что конкретно с тобой все в порядке (см. рис. 4).

Появление в слухах фигуры инсайдера — следствие падения доверия³³ к официальным институтам власти и той информации, которую они предоставляют. Опрос, проведенный социологами Павлом Степанцовым и Александром Вилейкисом в те же дни (с 27 по 29 марта 2020 г.), показал, что россияне, столкнувшись с новой угрозой, предпочитают рассчитывать на себя (40 %) или на коллективную ответственность (37 %), которая может уберечь от заражения. На государство в борьбе с пандемией надеются только 9 %, а на медицину — 12 %³⁴. Через две недели, к середине апреля, вышло исследование других социологических агентств, показавшее «вилку доверия»: 29 % опрошенных считают, что реальное количество заболевших и сложность ситуации занижается, а 27 % — наоборот, что ситуация сильно нагнетается и представляется хуже, чем есть. Однако и те, и другие респонденты уверены, что официальной информации доверять нельзя [Макушева, Орлова и др., 2020].

«Юра» и «Полина», а также другие многочисленные тексты со ссылкой на инсайдера — это проекция «доверия к себе»: россиянам важно представить источником информации не официальный институт, а человека, который «как мы», но «знает ситуацию изнутри не понаслышке». Именно поэтому в протоколах по «статьям за фейки» (составленных на жителей Иркутска, Пензы, Перми, Екатеринбурга и других городов) появляются многочисленные истории со слов «знакомой медсестры», которая рассказала о большом количестве зараженных и умерших в больницах (а власти скрывают) или о невыполнении эпидемиологических протоколов — то есть обо всем, что волнует бдительных граждан.

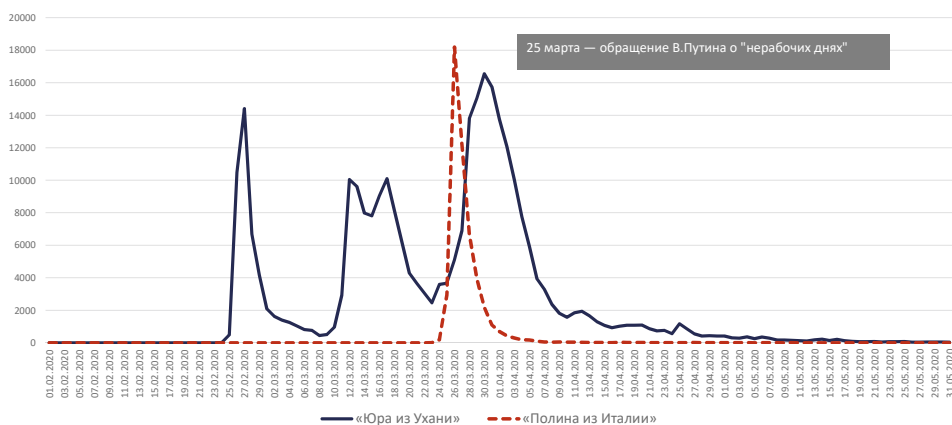

Рис. 4. Жизненные циклы «Юры из Ухани» и «Полины из Италии» в абсолютных цифрах с 01.02.2020 по 11.08.2020

³³ Доверие к официальным институтам власти в течение марта и апреля упало у 61 % россиян [Макушева, Нестик и др., 2020].

³⁴ Степанцов П., Вилейкис А. Коронавирус и общество. Как россияне реагируют на эпидемию // Нож. 2020. 1 апреля. URL: <https://knife.media/corona-sociology-1/> (дата обращения: 18.11.2020).

Следственный комитет в борьбе со слухами: от «ритуалов вины и позора» до уголовных дел

Дискуссия о том, надо ли бороться с фейковыми новостями и конспирологией, и если да, то какими способами, идет уже несколько лет — нынешняя пандемия ее только подстегнула. Власти государств Евросоюза, Канады и США, придерживаясь идеи свободы слова, предпочитают скорее учить, чем наказывать. Их позиция опирается на прикладные исследования, показывающие, что развитие аналитических навыков и наличие инструментов для самостоятельного анализа текста способны замедлять распространение фейковых новостей [Nygren, Guath, 2018; Pennyscook et al., 2020]. Более того, если люди могут проявлять контроль, уверенность в своих силах и ответственность в определенных ситуациях, то желание распространять слухи у них резко ослабляется [Prooijen 2018]. Практическое решение проблемы «как избавиться от инфодемии» выглядит тогда следующим образом: необходимо дать людям участвовать хотя бы в «низовой гражданской активности». Не случайно в двух разных — британском [Freeman et al., 2020] и украинском [Думки і погляди..., 2020] — опросах была замечена зависимость между склонностью к конспирологическим объяснениям коронавируса и полным отказом от участия в голосованиях.

Другие страны — в частности, в Юго-Восточной и Южной Азии (Тайланд, Сингапур, Филиппины, Шри-Ланка, Бангладеш), наоборот, ввели юридическую ответственность за распространение недостоверной информации. С началом пандемии китайские ученые обсуждали целесообразность еще большей (чем уже есть) цензуры в социальных сетях — в первую очередь как раз недостоверной медицинской информации и сомнений в компетентности китайских властей [Ren, Gao, Chen, 2020].

В России инфодемия стала объектом широкого обсуждения в дни перед введением первых «нерабочих дней» и сразу после. Премьер-министр М. Мишустин 30 марта подписывает постановление Правительства РФ о создании Коммуникативного центра³⁵, одной из задач которого является борьба с «недостоверной информацией», после чего стали появляться государственные сайты, поставившие своей целью разоблачение «фейков». Характерно, что «фейками» на сайте sogonafake.ru часто называли информацию, которая просто противоречила официальной, например, поместили знаком «фейк» пересказ знаменитых статей из *New York Times* и *Financial Times* о том, что в России манипулируют коронавирусной статистикой.

В России еще в 2019 г. безо всякой связи с внешними процессами наметилась тенденция к репрессивному реагированию на распространение *fake news*³⁶, с началом пандемии она явным образом усилилась. В марте 2020 г. при Следственном комитете РФ была создана специальная группа, чьей задачей было выявлять распространение «фейков» в социальных сетях. Административная норма о распространении «недостоверной информации под видом достоверной» стала применяться и для борьбы с инфодемией.

³⁵ Правительство создало центр по борьбе с фейками о коронавирусе // Коммерсантъ. 2020. 30 марта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4308770> (дата обращения: 18.11.2020).

³⁶ Части 9—11 ст. 13.15 КоАП РФ, получившие обиходное название «закона о фейках», были введены в марте 2019 г.

Строго говоря, решение наказывать за слухи — не новая практика в истории России. С 1930-х годов инструментом политических репрессий была ст. 58—10 УК РСФСР («антисоветская агитация и пропаганда»), по которой люди привлекались, в том числе и за распространение слухов. Однако отдельным объектом внимания слухи стали в военное время. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1941 г. устанавливал уголовную ответственность за распространение в военное время «ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» [Сборник, 1944], то есть информации, не соответствующей официальным сводкам. Слухи считались опасными, поскольку им приписывалась способность «активизировать деструктивные мотивы в поведении» граждан.

Но вернемся к марту 2020 г. В этот месяц помимо административного наказания к виновным иногда применялись «суррогатные» меры реагирования: профилактические беседы, а также то, что антропологи называют «ритуалами вины и позора» [Титков, 2015]. «Ритуал вины и позора» предполагает, что человек, обвиненный в нарушении социальных норм, подвергается публичному шельмованию. Эти меры становятся актуальными в случаях социального и политического напряжения, когда существующие социальные нормы подвергаются сомнению и их приходится таким образом «поддерживать».

Начиная с февраля 2020 г. распространителей фейковых сообщений заставляют извиняться на камеру. Мы достоверно знаем по крайней мере о 15 таких случаях в феврале, марте и апреле³⁷. Видеоролики с извинениями выкладывались на сайте Министерства внутренних дел РФ (МВД) и по крайней мере в двух случаях точно известно, что они транслировались по местному телевидению. Более того, на основе пресс-релизов МВД местная пресса писала статьи о печальной судьбе распространителей «фейков», призывая граждан «не поступать, как Вася» — и это тоже является «ритуалом вины и позора».

С 1 апреля 2020 г. вступили в силу поправки в Уголовный кодекс страны в виде ст. 207.1 УК РФ «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан». В результате именно на апрель приходится максимальное количество прецедентов реагирования (121 случай) по обеим нормам о «фейках» (см. рис. 5).

Довольно громкими стали случаи обвинения в распространении «фейков» независимых СМИ (21 прецедент реагирования) и политических деятелей, в том числе и оппозиционных (18 прецедентов), однако большинство привлеченных к ответственности по этим статьям — совершенно обычные пользователи интернета (116 случаев). Кроме того, и административная, и уголовная нормы предполагают «заведомость» знания о том, что данная информация ложная. Из фактов обжалования вынесенных судами решений становится понятно, что часто ни о какой заведомо ложной информации речь не шла — наказанный просто повторял то, что ему рассказали³⁸.

³⁷ Вполне возможно, что использование «ритуала вины и позора» в качестве квазиправовой меры является рецепцией практик публичных извинений, широко известных в Чеченской республике.

³⁸ Селезнев С. Эпидемия фейков: борьба с коронавирусом как угроза свободе слова. Доклад Международной Агоры. 2020. URL: <https://www.agora.legal/articles/Doklad-Mezhdunarodnoi-Agory-%C2%ABEpidemiya-feikov-borba-s-koronavirusom-kak/30> (дата обращения: 18.11.2020).

На приведенном графике (см. рис. 5) видно, что волна наказаний за «фейки» поднимается примерно тогда, когда уровень инфодемии начинает снижаться. Но связаны ли эти факторы? Ответа мы не знаем. Возможно, репрессивная политика помешала публичному распространению слухов в видимой части соцсетей, и они ушли в «подполье» мессенджеров и в устное общение. Но гораздо более вероятно то, что инфодемия стала спадать сама по себе. Как мы уже говорили выше, «всплеск слухов» приходится на «период неопределенности», а он в апреле уже закончился.

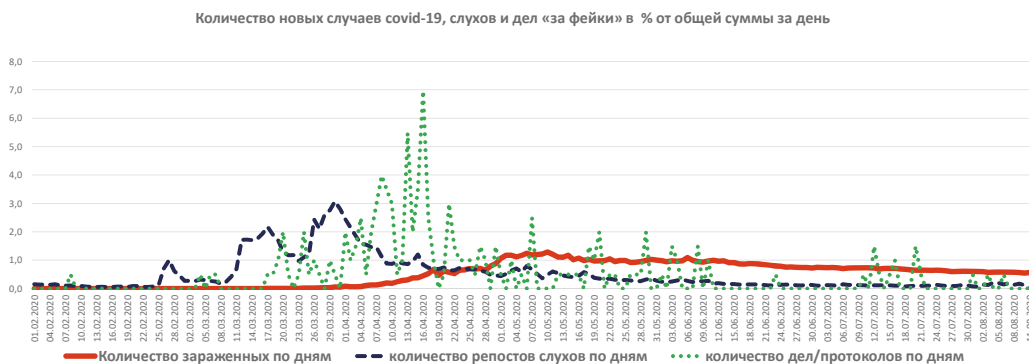

Рис. 5. Рост слухов о коронавирусе за 01.02.2020—11.08.2020 (в % от суммы), количество зараженных по дням³⁹ (в % от суммы зараженных) и количество дел «за фейки» за тот же период

Фейки и... «фейки»:

что считает недостоверной информацией Следственный комитет?

Непосредственным объектом правонарушения по обеим статьям на практике оказываются *общественные отношения в сфере доверия к органам и институтам государства*. Таким образом, две разнородных⁴⁰ нормы фактически превращаются в конкурирующие⁴¹, причем не только в теории: например, один и тот же сюжет о дезинфекции города с помощью вертолетов стал в одном случае поводом для административного дела⁴², а в другом — для уголовного⁴³. Заметим, что такое «переосмысление» объекта правонарушения не вытекает из самого текста закона. Так, ст. 207.1 УК РФ определяет как преступное

³⁹ По данным сайта СТОПКОРОНАВИРУС.РФ. URL: <https://стопкоронавирус.рф>.

⁴⁰ Составы правонарушения по административной и уголовной статьям имеют разный объект посягательства: общественные отношения в области связи и информации в первом случае, и в области общественной безопасности — во втором.

⁴¹ Это негативно сказывается на качестве правоприменения, и, безусловно, требует отдельного осмысления в рамках юридических наук.

⁴² Кузьмин А. Жительницу Каменска-Уральского ждет штраф за распространение фейковой новости // Виртуальный Каменск. 2020. 10 апреля. URL: <https://k-ur.info/novosti/novosti-v-kamenske/7260-zhitelnitsu-kamenska-uralskogo-zhdet-shtraf-za-rasprostranenie-fejkovoj-novosti> (дата обращения: 18.11.2020).

⁴³ СК Дагестана возбудил уголовные дела о фейках про «распыление» COVID-19 с вертолетов // РАПСИ. 2020. 8 июня. URL: http://rapsinews.ru/incident_news/20200608/305899189.html (дата обращения: 18.11.2020).

«публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан». А части 9—11 ст. 13.15 КоАП РФ не содержат никаких характеристик самой распространяемой информации, кроме ее недостоверности. Поскольку характеристики недостоверной информации не определены, то ничто не мешало бы преследовать, например, за распространение псевдомедицинских советов.

Выше мы уже писали о том, какие тематические группы сюжетов самые популярные, причем с очень большим отрывом — это псевдомедицинские советы и отрицание опасности коронавируса (см. рис. 1). Они же являются «эпистемической неудачей» и представляют общественную опасность. Логично было бы ожидать, что именно такие слухи чаще всего будут оказываться в фокусе внимания правоохранителей.

Однако это не так. Правоохранительные органы почти совсем не реагировали на группу слухов, представляющую медицинскую опасность — «псевдомедицинские советы» (ноль случаев) и очень слабо реагировали на тех, кто отрицает опасность коронавируса и видит за этим манипуляцию — 9% случаев (см. рис. 6; см. табл. 3). Наиболее частыми основаниями для привлечения к ответственности являются утверждения о том, что власти скрывают информацию об эпидемии и ее последствиях (48%), манипулируют с информацией об эпидемии и ее последствиях (17%), а также не выполняют свои обязательства или не соблюдают эпидемиологические требования (16%) (см. табл. 3; см. рис. 6).

Другими словами, преследуются не те нарративы, которые могут оказаться опасными для здоровья или безопасности гражданина, а те, что угрожают стабильности государства и доверию к конкретным властным институтам, поэтому большинство текстов, привлечших внимание правоохранительных органов, содержат критические высказывания о деятельности конкретных структур: умерших и зараженных скрывают не вообще, а в определенном «учреждении» в Крылатском, войска вводятся не вообще, а именно в город Волхов⁴⁴.

Мало того, часто такие нарративы не являются «эпистемической неудачей» — ровно наоборот. В них вместе с призывами не верить врачам/властям встречается идея, что рассчитывать можно только на себя: «в нашей больнице зараженных гораздо больше, будьте осторожны», «власти не дают СИЗ медикам, шейте их сами». Перед нами — создание «низового контроля» рядовыми гражданами [Thomas, 2007]. Конечно, эти истории вызывают беспокойство, но одновременно повышают ответственность граждан за свое здоровье и уменьшают их риск заболеть. Вспомним, как большинство респондентов в опросе 27—29 марта 2020 г. сказало, что можно полагаться только на себя и коллективную ответственность, а не на государство⁴⁵.

⁴⁴ СК возбудил третье уголовное дело о фейке про коронавирус // Медиазона. 2020. 7 апреля. URL: <https://zona.media/news/2020/04/07/voikhov> (дата обращения: 18.11.2020).

⁴⁵ Степанцов П., Вилейкис А. Коронавирус и общество. Как россияне реагируют на эпидемию // Нож. 2020. 1 апреля. URL: <https://knife.media/corona-sociology-1/> (дата обращения: 18.11.2020).

Таблица 3. Количество сюжетов, встречаемых в связи с реакцией правоохранительных органов (ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ; ст. 207.1 УК РФ)*

Название тематической группы	Доля в %	Примеры
Власти скрывают информацию об эпидемии и ее последствиях	48	«В Уфе подготовили 1 000 мест на кладбище для умерших от коронавируса»; «...услышал, что в Пензе у нас уже 60 человек с подтвержденным диагнозом и еще там почти тысяча под подозрением» ^{II}
Представители власти манипулируют с эпидемией и ее последствиями	17	«В общем, сестра мужа говорит, что наш город на днях закроют на две недели на карантин. У них проводили пресс-конференцию. Просили закупиться продуктами на две недели» ^{III}
Невыполнение обязательств властями и/или медиками, а также несоблюдение эпидемиологических требований	16	«Нет достаточного количества тестов, врачи сами не в состоянии разобраться, с каким именно заболеванием имеют дело» ^{IV} . Жительница города «записала видео про недостаток медикаментов у местных врачей и начала сбор средств на помощь медикам» ^V
Реальной опасности нет, власти используют коронавирус в своих интересах	9	«Под видом борьбы с коронавирусной инфекцией у здоровых людей изымаются органы для продажи» ^{VI}
Вакцины, тесты, маски — это способ чипирования или убийства	5	Врачи при поддержке полиции, «ходят по квартирам саратовцев и делают им прививки, которые в дальнейшем приводят к тяжелым последствиям или смерти» ^{VII}
Вирус распространяется через продукты, вещи, сотовую связь (в том числе намеренно)	2	«Сегодня по всей стране проходит спланированная акция по инфицированию населения смертельно опасной болезнью. Акция развязана представителями конкретной организации» ^{VIII}
Вирус создан внешними врагами как биологическое оружие	2	«Коронавирус создан для уничтожения «лишних» людей» ^{IX}

* Общее количество упоминающихся микросюжетов — 216.

^I Москвичу предъявили обвинение за фейк об изъятии органов под видом лечения от коронавируса // ТАСС. 2020. 22 мая. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8544879> (дата обращения: 18.11.2020).

^{II} Карпенко М. «Что в голову залетело, то я и сказала». Зачем россияне придумывают фейки о коронавирусе — и как за них извиняются // Холод. 2020. 8 апреля. URL: <https://holod.media/fake-stories> (дата обращения: 18.11.2020).

^{III} [там же]

^{IV} Краснов А. Челябинку оштрафовали на 30 тысяч за фейк-пост о коронавирусе. Разбираемся, что лучше не писать // 74RU. Челябинск онлайн. 2020. 7 апреля. URL: <https://74.ru/text/criminal/69078682/> (дата обращения: 18.11.2020).

^V Кузнецов Д. Зоозащитницу из Липецка оштрафовали за видео про недостаток лекарств в инфекционной больнице и сбор средств для медиков // 7x7. Горизонтальная Россия. Липецкая область. 2020. 21 апреля. URL: <https://7x7-journal.ru/news/2020/04/21/zoozashitnicu-oshtrafovali-za-video-pro-nedostatok-lekarstv> (дата обращения: 18.11.2020).

^{VI} Москвичу предъявили обвинение за фейк об изъятии органов под видом лечения от коронавируса // ТАСС. 2020. 22 мая. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8544879> (дата обращения: 18.11.2020).

^{VII} Двух жительниц Ровенского района накажут за фейк о «смертельных прививках» // Saratovnews. 2020. 10 апреля. URL: <https://www.saratovnews.ru/news/2020/04/10/dvyh-jitelnic-rovenskogo-raiona-nakajut-za-feik-o-smertelnyh-privivkah/> (дата обращения: 18.11.2020).

^{VIII} Мустафина Л. В Нижнем Новгороде завели первое уголовное дело против журналиста за распространение «фейков» о коронавирусе // ldel.Реалии. 2020. 17 апреля. URL: <https://www.idelreal.org/a/30561349.html> (дата обращения: 18.11.2020).!

^{IX} В Северной Осетии составили первый протокол за распространение фейковой информации о коронавирусе // Россия. Алания. 2020. 8 апреля. URL: <http://alaniatv.ru/v-severnoj-osetii-sostavili-pervyj-protokol-zaraspstrostranenie-fejkovoj-informatsii-o-koronaviruse/> (дата обращения: 18.11.2020).

Рис. 6. Сравнительный анализ частотности тем слухов в соцсетях и в прецедентах реагирования правоохранительных органов (в % от общей суммы)⁴⁶

Заключение, или Траектории «опасного»

Итак, что мы знаем о российской инфодемии?

Массовое распространение слухов и другой неофициальной информации в ситуации эпидемий вполне закономерно. В период с февраля по август 2020 г. инфодемические нарративы распространяют рядовые пользователи социальных сетей средних лет с высшим образованием, в основном из Москвы и Петербурга. Самыми популярными (и «живучими») являются инфодемические нарративы, отрицающие опасность новой болезни и подразумевающие, что карантин нужен представителям власти для своих целей, а также псевдомедицинские советы, позволяющие быстро «вылечиться» или проверить, болен ли ты. Такие истории дают человеку чувство безопасности и успокаивают его в ситуации, когда повседневная жизнь стремительно меняется — в этом их компенсаторная функция. Однако именно такие истории являются «эпистемическими неудачами», поскольку заставляют людей принимать решения, опасные для здоровья.

При этом «всплески» российской инфодемии появляются не в момент наивысшей эпидемиологической опасности, а в момент максимальной неопределенности, когда россияне оказываются в ситуации «бежать нельзя остаться» и не могут адекватно взвесить риски. Падение доверия к институтам власти и официальной информации заставляет россиян доверять советам и историям, полученным через горизонтальные каналы коммуникации, в результате чего популярность приобретают тексты со ссылкой на инсайдера — «такого же, как я».

Представители правоохранительных органов и политической элиты воспринимают как общественно опасную информацию не псевдомедицинские советы и не ковид-диссидентство, а утверждения о том, что опасность очень велика, зараженных/умерших много, а власти все скрывают (и эти слухи не являются «эпистемической неудачей» — наоборот, в некоторых ситуациях они могут увеличить шанс не заболеть). В приоритете у государства оказывается не безопасность граждан, а легитимность властных институтов и непогрешимость их управленческих решений.

⁴⁶ Отметим, что тематическую группу «невыполнение обязательств властями» (например, отказ в средствах индивидуальной защиты, невыплаты медикам за борьбу с COVID-19) мы не смогли посчитать по соцсетям — не было достаточного количества клишированных текстов.

Осенью 2020 г., когда мы дописываем эту статью, стало понятно, что эпидемия слухов продолжается — как, впрочем, и распространение COVID-19. В первую очередь вновь стали очень быстро распространяться псевдомедицинские советы, анти-масочные нарративы, страхи перед вакцинами. Это значит, что инфодемия снова с нами — и самое время проверять на новых материалах выявленные закономерности, а также искать новые. Именно поэтому необходимо не только продолжать мониторинг, но и проводить эксперименты, чтобы понять, как на распространение российской инфодемии влияют сообщения СМИ, политические предпочтения авторов постов, а также знание о новых «анти-фейковых» законах.

Список литературы (References)

Архипова А. С. Чем (не)опасна инфодемия: как и зачем исследуют фейковые сообщения и слухи во время пандемии // Фольклор и антропология города. 2020. Т. 1. № 1. В печати.

Arkhipova A. S. (2020) Why Infodemia Is (Not) Dangerous: How and Why Fake Messages and Rumors Are Investigated during a Pandemic. *Urban Folklore and Anthropology*. Vol. 1. No. 1. In print. (In Russ.)

Архипова А. С., Кирзюк А. А. Опасные советские вещи: городские легенды и страхи в СССР. М.: НЛО, 2020.

Arkhipova A. S., Kirzyuk A. A. (2020) Dangerous Soviet Things: Urban Legends and Fears in the USSR. Moscow: New Literary Observer. (In Russ.)

Буайе П. Анатомия человеческих сообществ: как сознание определяет наше бытие. М.: Альпина нон-фикшн, 2019.

Boyer P. (2019) Anatomy of Human Communities: How Consciousness Determines Our Being. Moscow: Alpina non-fiction. (In Russ.)

Гаврилова М. Водка, сода и чеснок: «народные» лекарства против страхов // Фольклор и антропология города. 2020. Т. 1. № 1. В печати.

Gavrilova M. (2020) Vodka, Soda and Garlic: «Folk» Medicines against Fears. *Urban Folklore and Anthropology*. Vol. 1. No. 1. In print. (In Russ.)

Думки і погляди населення України щодо походження коронавірусу і його поширення у світі: травень — червень 2020 року // Київський міжнародний інститут соціології. 26.6.2020. URL: <http://kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=952&page=1>.

Thoughts and Views of the Population of Ukraine on the Origin of the Coronavirus and Its Spread in the World: May – June 2020. (2020) *Kyiv International Institute of Sociology*. June 26. URL: <http://kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=952&page=1>. (In Ukr.)

Макушева М., Орлова Е., Фирсов А., Шашкин А. Исследование социальных эффектов пандемии COVID-19. Сводка № 6. 17.04.2020. URL: <https://pltf.ru/2020/04/17/omi-i-platforma-socialnye-jeffekty-pandemii/> (дата обращения: 19.11.2020).

Makusheva M., Orlova E., Firsov A., Shashkin A. (2020) Social Effects of the COVID-19 Pandemic: A Study. Summary No. 6. April 17. URL: <https://pltf.ru/2020/04/17/omi-i-platforma-socialnye-jeffekty-pandemii/> (accessed: 19.11.2020). (In Russ.)

Макушева М., Нестик Т., Орлова Е., Фирсов А. Исследование социальных эффектов пандемии COVID-19. Сводка № 12. 26.05.2020. URL: <https://pltf.ru/wp-content/uploads/2020/05/svodka-12.pdf> (дата обращения: 19.11.2020).

Makusheva M., Nestik T., Orlova E., Firsov A. (2020) Social Effects of the COVID-19 Pandemic: A Study. Summary No. 12. May 26. URL: <https://pltf.ru/wp-content/uploads/2020/05/svodka-12.pdf> (accessed: 19.11.2020). (In Russ.)

Мюнхенская конференция по безопасности // Сайт Всемирной организации здравоохранения. 16.02.2020. URL: <https://www.who.int/ru/dg/speeches/detail/munich-security-conference> (дата обращения: 19.11.2020).

Munich Security Conference. (2020) *Website of the World Health Organization*. February 16. URL: <https://www.who.int/ru/dg/speeches/detail/munich-security-conference> (accessed: 19.11.2020). (In Russ.)

Петров Н. Коронавирус распространяют вышки 5G // Энциклопедия коронавирусных фейков. Пополняемый каталог толков вокруг пандемии. N+1. 8.04.2020. URL: <https://nplus1.ru/material/2020/04/08/coronarumors> (дата обращения: 19.11.2020).

Petrov N. (2020) Coronavirus Spread by 5G Towers. *Encyclopedia of Coronavirus Rumors and Fakes. an Updated Directory of Rumors around the Pandemic*. N+1. April 8. URL: <https://nplus1.ru/material/2020/04/08/coronarumors> (accessed: 19.11.2020). (In Russ.)

Радченко Д. Афонские старцы и крест оливковым маслом // Энциклопедия коронавирусных слухов и фейков. Пополняемый каталог толков вокруг пандемии. N+1. 8.04.2020. URL: <https://nplus1.ru/material/2020/04/08/coronarumors> (дата обращения: 19.11.2020).

Radchenko D. (2020) Athonite Elders and a Cross Made with Olive Oil. *Encyclopedia of Coronavirus Rumors and Fakes. an Updated Directory of Rumors around the Pandemic*. N+1. April 8. URL: <https://nplus1.ru/material/2020/04/08/coronarumors> (accessed: 19.11.2020). (In Russ.)

Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР 1938—июнь 1944. М., 1944.

Collection of Laws of the USSR and Decrees of the Presidium of the Supreme Council of the USSR 1938 – June 1944. (1944) Moscow. (In Russ.)

Титков А. С. Ритуалы вины и позора в Украинском конфликте 2013—2015 годов // Векторы развития современной России. «Война миров»: научное знание/прагматика жизни. Материалы XIV Международной научно-практической конференции (17—18 апреля 2015 года). М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. С. 151—159.

Titkov A. S. (2016) Rituals of Guilt and Shame in the Ukrainian Conflict of 2013–2015. *Development Vectors of Modern Russia. «War of the Worlds»: Scientific Knowledge/Pragmatics of Life. Materials of the XIV International Scientific and Practical Conference (April 17–18, 2015)*. Moscow: Delo Publishing House, RANEP. P. 151–159. (In Russ.)

Abello J., Broadwell P., Tangherlini T. R. (2012) Computational Folkloristics. *Communications of the ACM*. Vol. 55. No. 7. P. 60–70. <https://doi.org/10.1145/2209249.2209267>.

Allport G., Postman L. (1947) *Psychology of Rumor*. New York, NY.

Arkipova A., Brodie I. When Rumours Fly Like Helicopters: an International Conspiracy 'Language' for the New Reality? *Social Anthropology*. Vol. 28, № 2. <https://doi.org/10.1111/1469-8676.12826>.

Bastani P., Bahrami M. A. (2020). COVID-19 Related Misinformation on Social Media: A Qualitative Study from Iran. *Journal of Medical Internet Research*. Preprint (Mar 27). <https://doi.org/10.2196/18932>.

Brainard J., Hunter P. R. (2019) Misinformation Making a Disease Outbreak Worse: Outcomes Compared for Influenza, Monkeypox, and Norovirus. *Simulation*. Vol. 96. No. 4. P. 365–374. <https://doi.org/10.1177/0037549719885021>.

Breslin S. D., Enggaard T. R., Blok A., Gårdhus T., Pedersen M. A. (2020) How We Tweet about Coronavirus, and Why: A Computational Anthropological Mapping of Political Attention on Danish Twitter during the COVID-19 Pandemic. In: Lynteris C. (ed.) *The COVID-19 Forum III*. University of St. Andrews.

Bruns A., Harrington S., Hurcombe E. (2020) 'Corona? 5G? or Both?': The Dynamics of COVID-19/5G Conspiracy Theories on Facebook. *Media International Australia*. Vol. 177. No. 1. P. 12–29. <https://doi.org/10.1177/1329878x20946113>.

Bursztyn L., Rao A., Roth C., Yanagizawa-Drott D. (2020) Misinformation During a Pandemic. In: *NBER Working Paper No. 27417*. <https://doi.org/10.3386/w27417>.

Campion-Vincent V. (2005) *Organ Theft Legends*. Jackson: University Press of Mississippi.

Cinelli M., Quattrociocchi W., Galeazzi A., Valensise C. M., Brugnoli E., Schmidt A. L., Zola P., Zollo F., Scala A. (2020) The COVID-19 Social Media Infodemic. *Scientific Reports*. Vol. 10. No. 1. <https://doi.org/10.1038/s41598-020-73510-5>.

Evans-Pritchard E. E. (1976) *Witchcraft, Oracles, and Magic among the Azande*. Oxford: Clarendon Press.

Freeman D., Waite F., Rosebrock L., Petit A. (2020) Coronavirus Conspiracy Beliefs, Mistrust, and Compliance with Government Guidelines in England. *Psychological Medicine*. P. 1–13. <https://doi.org/10.1017/s0033291720001890>.

Goldstein D. E. (2004) *Once upon a Virus: AIDS Legends and Vernacular Risk Perception*. Logan: Utah State University Press.

Greenhill K. M., Oppenheim B. (2017) Rumor Has It: The Adoption of Unverified Information in Conflict Zones. *International Studies Quarterly*. Vol. 61. No. 3. P. 660–676. <https://doi.org/10.1093/isq/sqx015>.

Hufford D. J. (1982). Traditions of Disbelief. *New York Folklore*. Vol. 8. No. 3–4. P. 47–56.

Howard R. G. (2008) The Vernacular Web of Participatory Media. *Critical Studies in Media Communication*. Vol. 25. No. 5. P. 490–513.

Ilyefalvi E. (2018) The Theoretical, Methodological and Technical Issues of Digital Folklore Databases and Computational Folkloristics. *Acta Ethnographica Hungarica*. Vol. 63. No. 1. P. 209–258. <https://doi.org/10.1556/022.2018.63.1.11>.

Imhoff R., Lamberty P.K. (2017) Too Special to Be Duped: Need for Uniqueness Motivates Conspiracy Beliefs. *European Journal of Social Psychology*. Vol. 47. No. 6. P. 724–734. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2265>.

Jason H. (2000) Motif, Type and Genre: A Manual for Compilation of Indices and a Bibliography of Indices and Indexing. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia.

Jaubert E., Dolbeau-Bandin C. (2020) Infox et Coronavirus Covid-19: Une Relative Contagiosité? HAL Id: hal-02542132. <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-02542132>.

Kapferer J.-N. (1987) Rumeurs. Le Plus Vieux Media du Monde. Paris: Editions du Seuil.

Kapferer J.-N. (1993) The Persuasiveness of an Urban Legend: The Case of Mickey Mouse Acid. *Contemporary Legend*. Vol. 3. P. 85–102.

Laudun J., Goodwin J. (2013) Computing Folklore Studies: Mapping over a Century of Scholarly Production through Topics. *Journal of American Folklore*. 2013. Vol. 126. No. 502. P. 455–475. <https://doi.org/10.5406/jamerfolk.126.502.0455>.

Martel C., Pennycook G., Rand D.G. (2020) Reliance on Emotion Promotes Belief in Fake News. *PsyArXiv*. <https://doi.org/10.31234/osf.io/a2ydw>.

Miller D. E. (2005) Rumor: An Examination of Some Stereotypes. *Symbolic Interaction*. Vol. 28. No. 4. P. 505–519. <https://doi.org/10.1525/si.2005.28.4.505>.

Mouron P. (2020) Coronavirus et Fausses Informations: Les Aléas de la Liberté D'Expression en Période de Crise Sanitaire. *Revue des Droits et Libertés Fondamentales*. Vol. 33. URL: <http://www.revuedlf.com/droit-penal/coronavirus-et-fausses-informations-les-aleas-de-la-liberte-dexpression-en-periode-de-crise-sanitaire/>.

Nygren T., Guath M. (2018) Mixed Digital Messages: The Ability to Determine News Credibility among Swedish Teenagers. In: Sampson D. G., Ifenthaler D., Isaías P. (eds.) *Proceedings of the 15th International Conference on Cognition and Exploratory Learning in Digital Age (CELDA 2018)*. Vol. 15. P. 375–378. <http://www.diva-portal.org/smash/record.jsf?pid=diva2%3A1257920&dswid=6817>.

Pennycook G., McPhetres J., Zhang Y., Lu J. G., Rand D. G. (2020) Fighting COVID-19 Misinformation on Social Media: Experimental Evidence for a Scalable Accuracy Nudge Intervention. *Preprint* (Mar 17). URL: http://ide.mit.edu/sites/default/files/publications/Covid-19%20fake%20news%20ms_psyarxiv.pdf (accessed: 19.11.2020).

Prooijen van J.-W. (2017) Why Education Predicts Decreased Belief in Conspiracy Theories. *Applied Cognitive Psychology*. Vol. 31. No. 1. P. 50–58. <https://doi.org/10.1002/acp.3301>.

Prooijen van. J.-W. (2018) Empowerment as a Tool to Reduce Belief in Conspiracy Theories. In: Uscinski J. E. (ed.) *Conspiracy Theories and the People Who Believe Them*. Oxford: Oxford University Press. P. 432–442. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190844073.003.0030>.

Ren Sh.-Y., Gao R.-D., Chen Ye-L. (2020) Fear Can Be More Harmful Than the Severe Acute Respiratory Syndrome Coronavirus 2 in Controlling the Corona Virus Disease 2019 Epidemic. *World Journal of Clinical Cases*. Vol. 8. No. 4. P. 652–657. <https://doi.org/10.12998/wjcc.v8.i4.652>.

Shibutani T. (1966) *Improvised News: A Sociological Study of Rumor*. Indianapolis, IN.

Sullivan D., Landau M. J., Rothschild Z. K. (2010) An Existential Function of Enemyship: Evidence That People Attribute Influence to Personal and Political Enemies to Compensate for Threats to Control. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 98. No. 3. P. 434–449. <https://doi.org/10.1037/a0017457>.

Swami V., Furnham A., Smyth N., Weis L., Ley A., Clow A. (2016) Putting the Stress on Conspiracy Theories: Examining Associations between Psychosocial Stress, Anxiety, and Belief in Conspiracy Theories. *Personality and Individual Differences*. Vol. 99. P. 72–76. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.04.084>.

Tangherlini T. R., Leonard P. (2013) Trawling in the Sea of the Great Unread: Sub-corpus Topic Modeling and Humanities Research. *Poetics*. Vol. 41. No. 6. P. 725–749. <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2013.08.002>.

Thomas Sh. A. (2007) Lies, Damn Lies, and Rumors: An Analysis of Collective Efficacy, Rumors, and Fear in the Wake of Katrina. *Sociological Spectrum*. Vol. 27. No. 6. P. 679–703. <https://doi.org/10.1080/02732170701534200>.

Victor J. S. (1993) *Satanic Panic. The Creation of a Contemporary Legend*. Chicago, IL; La Salle, IL: Open Court.

Whitson J. A., Galinsky A. D. (2008) Lacking Control Increases Illusory Pattern Perception. *Science*. Vol. 322. No. 5898. P. 115–117. <https://doi.org/10.1126/science.1159845>.